

Посвящается Доу, Джуди, Леде и Джоу

Steven Pinker

THE BLANK SLATE

*The Modern Denial
of Human Nature*

PENGUIN BOOKS

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Стивен Пинкер

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

*Природа человека. Кто и почему
отказывается признавать ее сегодня*

Перевод с английского

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2018

[>>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 159.922.38
ББК 88.311
П32

Переводчик Галина Бородина
Научный редактор Андрей Родин
Редактор Роза Пискотина

Пинкер С.

П32 Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / Стивен Пинкер ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — 608 с.

ISBN 978-5-91671-783-9

На протяжении нескольких столетий многие интеллектуалы пытались установить принципы справедливости, основываясь на убеждении, что человек рождается «чистым листом», на котором родители и общество записывают его биографию. Многие авторы отчаянно пытаются дискредитировать предположение о врожденном характере человеческих свойств, ведь если люди рождаются разными, то оправданы дискриминация и расизм, если человек — продукт биологии, тогда свобода воли является всего лишь мифом, а жизнь не имеет высшего смысла и цели. Пинкер убедительно показывает, что отказ от анализа вопросов человеческой природы не только противоречит современным открытиям в генетике, нейробиологии и теории эволюции, но и искажает наши представления о самих себе. Наследуются ли интеллект и таланты? Можно ли искоренить насилие в отношениях между людьми и государствами? Существует ли свобода воли, а вместе с ней — и ответственность за свои поступки? Об этих вопросах рассуждает когнитивный психолог Стивен Пинкер в одной из самых значимых своих книг.

УДК 159.922.38
ББК 88.311

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зимина» и продолжает серию «Библиотека «Династия». Дмитрий Борисович Зимин — основатель компании «Вымпелком» (Beeline), фонда некоммерческих программ «Династия» и фонда «Московское время». Программа «Книжные проекты Дмитрия Зимина» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Династия», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель». Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зимина» вы найдете на сайте ziminbookprojects.ru.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-91671-783-9 (рус.)
ISBN 978-0-14-200334-3 (англ.)

© Steven Pinker, 2002
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

ЧАСТЬ I. «Чистый лист», «благородный дикарь» и «дух в машине»

Глава 1	Официальная теория.....	19
Глава 2	Умный пластилин	29
Глава 3	Последнее препятствие	47
Глава 4	Ценители культуры.....	81
Глава 5	Последняя линия обороны «чистого листа».....	98

ЧАСТЬ II. Страх и ненависть

Глава 6	Ученые-политики.....	137
Глава 7	Святая троица	156

ЧАСТЬ III. Человеческая природа с человеческим лицом

Глава 8	Страх неравенства.....	179
Глава 9	Страх невозможности совершенствования	202
Глава 10	Страх детерминизма	220
Глава 11	Страх нигилизма	236

ЧАСТЬ IV. Познай себя

Глава 12	В контакте с реальностью.....	247
Глава 13	То, что нам не по плечу.....	273
Глава 14	Корни наших страданий	300
Глава 15	Лицемерное животное	333

ЧАСТЬ V. Горячие клавиши

Глава 16	Политика.....	349
Глава 17	Насилие.....	377
Глава 18	Гендер.....	415
Глава 19	Дети.....	459
Глава 20	Искусство и гуманитарные науки	494

ЧАСТЬ VI. Голос вида

Приложение.....	535
Список человеческих универсалий Дональда Брауна.....	535
Примечания.....	541
Библиография.....	561
Предметно-именной указатель.....	595

ПРЕДИСЛОВИЕ

«О нет, только не очередная книга о природе и воспитании! Неужели действительно есть еще люди, которые верят, что разум — чистый лист? Неужели не очевидно каждому, у кого хотя бы двое детей, каждому, кто был в гетеросексуальных отношениях, каждому, кто замечал, что дети учатся говорить, а домашние животные — нет: люди рождаются с определенными способностями и темпераментами? Разве мы все не отказались от упрощенного противопоставления наследственности и среды и не осознали, что любое поведение обусловлено взаимодействием между ними?»

Примерно так отреагировали коллеги, когда я поделился с ними планами насчет этой книги. На первый взгляд реакция небеспочвенная. Может быть, вопрос о врожденном и приобретенном действительно уже не актуален. Любой, кто знаком с последними сочинениями на тему разума и поведения, наблюдал притязания на золотую середину подобные этим:

Если читатель теперь убежден, что либо генетическая, либо средовая теория одержала окончательную победу и полностью вытеснила другую, значит, мы недостаточно хорошо проделали свою работу, представляя вам ту или другую сторону. Нам кажется весьма вероятным, что и гены, и окружающая среда имеют некоторое отношение к теме. Но в какой мере? Мы решительные агностики в этом вопросе: насколько можно судить, имеющихся данных пока еще недостаточно для оценки.

Эта книга не пополнит список тех, в которых утверждается, будто все зависит от генов. Это не так. Окружающая среда важна не меньше, чем гены. То, с чем сталкиваются дети в период взросления, так же важно, как и то, какими они рождаются.

Даже когда поведение наследуемо, поведение конкретного человека все же является продуктом его развития, так что его причины следует искать в окружающей среде. Современное понимание того, как наследуются фенотипы путем воспроизводства и генетических компонентов, и условий среды, предполагает, что... культурные традиции — поведение, которое дети повторяют за своими родителями, — похоже, имеют решающее значение.

Если вы думаете, что это безобидные компромиссы, показывающие, что мы уже переросли споры о природе и воспитании, подумайте еще раз. На самом деле эти цитаты взяты из трех самых скандальных книг последнего десятилетия. Первая — из книги Ричарда Хернштейна и Чарльза Мюррея «Гауссова кривая» (The Bell Curve), в которой утверждается, что разница в среднем уровне IQ у белых и черных американцев имеет и генетические, и средовые причины¹. Вторая — из «Предпосылки воспитания» (The Nurture Assumption) Джудит Рич Харрис, которая считает, что личность ребенка формируется как окружением, так и наследственностью, так что сходство между детьми и родителями может отражать влияние общих генов, а не только воспитательные практики родителей². Третья взята из «Естественной истории изнасилования» (A Natural History of Rape) Рэнди Торнхилла и Крейга Палмера, в которой говорится, что изнасилование не просто продукт культуры — его корни кроются в самой природе мужской сексуальности³. За обращение к воспитанию и природе, а не только к воспитанию, против этих авторов устраивали пикеты, им не давали говорить, нецензурно ругали в прессе и даже осуждали в Конгрессе США. Других, которые осмеливались выражать подобные взгляды, подвергали цензуре, оскорблениям, а также угрозам судебного преследования⁴.

Идея, что природа и воспитание взаимодействуют, формируя какую-то часть разума, может оказаться неверной, но даже сегодня, в XXI веке, спустя тысячи лет с того момента, как вопрос был впервые поставлен, нельзя сказать, слаба она или безупречна. Когда дело касается объяснения человеческого мышления или поведения, возможность, что определенную роль здесь играет наследственность, до сих пор способна вызывать шок. Многие думают, что признавать существование человеческой природы — значит оправдывать расизм, сексизм, войны, алчность, геноцид, нигилизм, реакционную политику и пренебрегать детьми и социально незащищенными. Каждое заявление, что разум обладает врожденной структурой, поражает людей не только как гипотеза, которая может быть и неверна, но как мысль, которая заведомо аморальна.

Эта книга о нравственной, эмоциональной и политической окраске концепции человеческой природы в современной жизни. Я прослежу историю вопроса, чтобы понять, почему сама идея вызывала у людей опасения, попытаюсь разобраться в морально-политической неразберихе, которая запутывала представления о ней. И хотя любая книга, посвященная человеческой природе, всегда вызывает споры, я пишу свою не для того, чтобы она стала очередной «бомбой», как это нередко преподносят на суперобложках. Я не сравниваю, как многие думают, крайнюю позицию «воспитания» с крайней позицией «природы», разыскивая истину где-то посередине.

Иногда справедливо исключительно «средовое» объяснение: очевидный пример — на каком языке вы говорите. Еще один — разница между расами и этническими группами в экзаменационных оценках. В других случаях, касающихся, например, некоторых наследственных неврологических заболеваний, верно исключительно генетическое объяснение. А в большинстве ситуаций правильное объяснение нужно искать в сложном взаимодействии между наследственностью и окружающей средой: культура критически важна, но начнем с того, что культура не могла бы существовать без умственных способностей, которые позволяют людям создавать культуру и осваивать ее. Моя цель не в том, чтобы доказать, что гены — это все, а культура — ничто (никто в это не поверит), а в том, чтобы исследовать, почему крайняя позиция (что культура — это все) так часто считается умеренной, а умеренная оценивается как экстремальная.

На самом деле признание человеческой природы не влечет за собой тех политических последствий, которых многие боятся. Оно не требует, например, отказаться от феминизма, или смириться с нынешним уровнем насилия и неравенства, или считать мораль фикцией. По большей части я не буду агитировать за конкретные политические стратегии или становиться на сторону левых или правых. Я уверен, что политические прения практически всегда требуют компромисса между конкурирующими ценностями и что наука умеет распознавать эти компромиссы, но не разрешать их. Я покажу, что многие из этих компромиссов обусловлены особенностями человеческой природы, и, проясняя их, я надеюсь сделать наши коллективные решения, какими бы они ни были, более обоснованными. Если я и выступаю в защиту чего-либо, так это в защиту открытий в области человеческой природы, которые игнорируются и замалчиваются в современных дискуссиях о человеке.

Почему так важно разобраться во всем этом? Отказ от признания человеческой природы сродни викторианскому замалчиванию темы секса, только хуже: он искажает и науку, и образование, и общественный диалог, и повседневную жизнь. Логика учит нас, что одно-единственное противоречие может исказить весь ход рассуждений и привести к ложному утверждению. Учение, что человеческой природы не существует, перед лицом свидетельств обратного, предоставленных наукой и здравым смыслом, оказывает именно такое искажающее влияние.

Прежде всего, доктрина, будто разум — это «чистый лист», извратила исследования о человеке, а заодно и общественные, и личные решения, которые опирались на результаты этих исследований. Многие стратегии воспитания, например, вдохновлены исследованиями, обнаруживающими корреляцию между поведением родителей и поведением их детей. У лю-

бящих родителей растут уверенные в себе дети, у авторитетных родителей (не слишком либеральных и не слишком жестких) — дети, которые хорошо себя ведут; отпрыски родителей, которые много разговаривают с ними, успешнее осваивают речь и т.д. И люди делают вывод: чтобы вырастить лучших детей, родители должны быть любящими, авторитетными и общительными, и, если ребенок не удался, это полностью вина матери и отца. Но этот вывод основан на убеждении, что ребенок — это «чистый лист». Однако не надо забывать, что родители снабжают своих детей не только домашней средой, но и генами. Может быть, корреляция между родителями и детьми говорит нам всего лишь о том, что те же самые гены, которые делают взрослых любящими, авторитетными и общительными, делают их детей уверенными в себе, послушными и разговорчивыми. До тех пор пока мы не повторим эти исследования с усыновленными детьми (которые получают от своих родителей только окружение, но не гены), с той же вероятностью можно утверждать, что на детей влияет только наследственность, только воспитание или все что угодно посередине. Но практически всегда исследователи придерживаются единственной, причем самой крайней позиции — за все отвечают родители.

Табу на исследования человеческой природы не только надевают шоры на ученых, но и превращают каждую дискуссию на эту тему в ересь, которую необходимо заклеить. Многие авторы так отчаянно хотят дискредитировать любое предположение о врожденном характере человеческих свойств, что выбрасывают в окно и логику, и цивилизованность. Элементарными разграничениями — «некоторые»/«все», «возможно»/«всегда», «есть»/«должно быть» — с легкостью пренебрегают, чтобы изобразить идею природы человека как экстремистскую доктрину и отвратить от нее читателей. Анализ идей зачастую замещается политический клеветой и личными оскорблениями. Этот яд, разлитый в интеллектуальной атмосфере, лишил нас инструментов для анализа острых вопросов человеческой природы именно тогда, когда новые научные открытия делают их особенно актуальными.

Отрицание человеческой природы вышло за рамки академических кругов и привело к обрыву связей между интеллектуальной жизнью и здравым смыслом. Впервые мне пришла идея написать подобную книгу, когда я начал коллекционировать поразительные высказывания ученых мужей и социальных критиков о пластичности человеческой психики: мол, маленькие мальчики ссорятся и дерутся, потому что их в этом поощряют; детям нравится сладкое, потому что родители награждают их сладостями за то, что они съели овощи; подростки извлекают идею соперничества в красоте и моде из соревнований по орфографии и успеваемости, а муж-

чины убеждены, что цель секса — оргазм, из-за того, что их так воспитывали. Проблема не только в том, что эти утверждения абсурдны, но и в том, что их авторы не понимают, что говорят вещи, противоречащие элементарному здравому смыслу. Это ментальность культа, в котором согласие с фантастическими постулатами выдается за доказательство благочестия. Эта ментальность не может сосуществовать вместе с уважением к истине, и я считаю, что на ней лежит ответственность за некоторые прискорбные тенденции в современной интеллектуальной жизни. Одна из этих тенденций — установившееся в научной среде пренебрежение понятиями истины, логики и доказательности. Другая — лицемерное расхождение между тем, что интеллектуалы говорят на публике, и тем, во что они на самом деле верят. Третья — неизбежный разгул реакции: появление «неполиткорректных» деятелей, которые упиваются невежеством и нетерпимостью, ободренные уверенностью, что в глазах публики интеллектуальный истеблишмент лишился права требовать от своих оппонентов достоверности.

В конце концов, отрицание человеческой природы не только развратило мир мыслителей и критиков, но и нанесло вред обычным людям. Идея, что родители могут лепить своих детей, как из пластилина, навязала им неестественные и порой жестокие воспитательные модели. Она исказила картину выбора для матерей, пытающихся найти баланс между домом и работой, и умножила муки родителей, чьи дети не оправдали их надежд. Убежденность, что вкусы человека — это изменяемые культурные предпочтения, привела к тому, что политики, ответственные за социальное планирование, сбрасывают со счетов удовольствие, которое человек получает от солнечного света, от узоров и красок, и не учитывают человеческий масштаб, заставляя миллионы людей жить в серых бетонных коробках. Романтическое представление, что все зло — продукт воздействия общества, оправдало освобождение опасных психопатов, исправно убивающих невинных людей. А убеждение, что человечество можно изменить, воплощая в жизнь крупные социальные проекты, привело к величайшим злодеяниям в истории.

И хотя большинство моих аргументов будут беспристрастно аналитическими — что признание человеческой природы, логически говоря, не означает негативных последствий, которых многие боятся, — не стану скрывать своей уверенности, что в них есть и позитивный посыл. «Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть», — писал Чехов, и новые науки о человеческой природе могут проложить путь к реалистичному, биологически просвещенному гуманизму. Они демонстрируют глубинную психологическую общность нашего биологического вида, спрятанную под поверхностными различиями внешности и местечковых культур. Они застав-

ляют признать удивительную сложность человеческого разума, которую мы склонны принимать как должное именно потому, что он функционирует так хорошо. Они определяют нравственное чутье, которое может послужить улучшению нашей доли. Они обещают естественность в человеческих отношениях, поощряя нас учитывать, что люди чувствуют на самом деле, а не то, что они должны чувствовать согласно какой-то теории. Они предлагают нам ориентир, благодаря которому мы можем заметить страдание и подавление, где бы оно ни появлялось, разоблачая оправдания власть имущих. Они помогают видеть насквозь замыслы самопровозглашенных социальных реформаторов, готовых освободить нас от наших удовольствий. Они позволяют заново оценить достижения демократии и верховенство права. И они обогащают озарения художников и философов, которые тысячелетиями размышляли над положением человека.

Честный разговор о природе человека никогда еще не был настолько своевременным. На протяжении всего XX века многие интеллектуалы пытались установить принципы справедливости на хрупком фактическом основании — что человеческие существа биологически идентичны, не таят низких побуждений и абсолютно свободны в своей способности делать выбор. Сегодня эти заявления оспариваются открытиями в науках, исследующих мозг, разум, гены и эволюцию. И уж во всяком случае завершение проекта «Геном человека», обещающего беспрецедентное понимание генетических корней интеллекта и эмоций, должно послужить сигналом к пробуждению. Новый научный вызов отрицанию человеческой природы ставит нас перед выбором. Если мы по-прежнему привержены ценностям мира и равенства, науки и истины, мы должны отделить эти ценности от тех убеждений о нашем психологическом устройстве, которые с высокой долей вероятности окажутся ложными.

Эта книга — для людей, которые хотят узнать, как тема человеческой природы стала запретной, и стремятся понять, действительно ли развенчание этого предубеждения опасно или всего лишь непривычно. Она для тех, кому интересны вырисовывающийся образ нашего биологического вида и разумная критика этого портрета. Для тех, кто подозревает, что табу на человеческую природу вынуждает нас играть неполной колодой, в то время как давление острых вопросов современности только усиливается. И для тех, кто понимает, что исследования мозга, разума, генов и эволюции постоянно меняют наш взгляд на самих себя; для тех, кто хочет знать, изменятся ли под влиянием новой информации о человеческой природе те ценности, которые мы считаем исключительно важными, — ослабеют ли они, сохраняют ли свои позиции, или (как я считаю) обогатятся.

С огромным удовольствием я называю здесь имена друзей и коллег, улучшавших эту книгу бесчисленным количеством способов. Хелена Кронин, Джудит Рич Харрис, Джеффри Миллер, Орландо Паттерсон и Дональд Саймонс скрупулезно проанализировали каждый ее аспект, и я могу только надеяться, что окончательный результат достоин их мудрости. Очень полезными были также бесценные комментарии Неда Блока, Дэвида Басса, Назли Щукри, Леды Космидес, Дениса Даттона, Майкла Газзаниги, Дэвида Гири, Джорджа Грэхема, Пола Гросса, Марка Хаузера, Оуэна Джонса, Дэвида Каммерера, Дэвида Ликкена, Гари Маркуса, Рослин Пинкер, Роберта Пломина, Джеймса Рэйчелса, Томаса Сауэлла, Джона Туби, Марго Уилсон и Уильяма Циммермана. Моя благодарность — коллегам, которые рецензировали главы, касающиеся сферы их научных интересов: Джош Коэн, Ричард Докинз, Рональд Грин, Нэнси Кэнвишер, Лоуренс Кац, Глен Лури, Полин Майер, Анита Паттерсон, Мриганка Сур и Милтон Уилкинсон.

Я благодарю и многих других, кто любезно отзывался на просьбы об информации или выдвигал предложения, которые нашли свое место в книге: Мазарин Банаджи, Крис Бертрам, Говард Блум, Томас Бушар, Брайан Бойд, Дональд Браун, Дженнифер Кэмпбелл, Ребекка Канн, Сьюзан Кэри, Наполеон Шаньон, Мартин Дейли, Ирвен Девор, Дэйв Эванс, Джонатан Фридман, Дженнифер Гэнгер, Говард Гарднер, Тамар Гендлер, Адам Гопник, Эд Хаген, Дэвид Хаусман, Тони Ингрэм, Уильям Айронс, Кристофер Дженкс, Генри Дженкинс, Джим Джонсон, Эрика Джон, Дуглас Кенрик, Самуэль Джей Кейсер, Стивен Косслин, Роберт Курзбан, Джордж Лакофф, Эрик Лэндер, Лорен Ломаски, Марта Нуссбаум, Мэри Парли, Ларри Сквайр, Венди Стайнер, Рэнди Торнхилл, Джеймс Уотсон, Торстен Визель и Роберт Райт.

Тезисы этой книги были впервые представлены на форумах, где организаторы и слушатели обеспечили жизненно важную обратную связь: Центр биоэтики при Пенсильванском университете, симпозиум, посвященный мозгу, мышлению и искусству в Научно-исследовательском институте Гетти, конференция по эволюционной генетике поведения в Питтсбургском университете, Общество исследования поведения и эволюции человека, проект гуманитарного лидерства при Пенсильванском университете, Институт рас и социальных страт Бостонского университета, Школа гуманитарных, культурных и социальных исследований в Массачусетском технологическом институте, Программа нейроисследований при Институте нейронаук, саммит позитивной психологии, Общество эволюционного анализа в сфере права и Таннеровские лекции о человеческих ценностях при Йельском университете.

Я с радостью подтверждаю, что в Массачусетском технологическом институте потрясающие условия для учебы и исследований, и благодарю за поддержку Мриганку Сур, заведующую кафедрой мозга и когнитивных наук, Роберта Силби, декана Школы науки, Чарльза Веста, президента МИТ, и многих других коллег и студентов. Джон Берли, сотрудник Библиотеки Тейбер, искал для меня научные материалы и отвечал на вопросы, какими бы неясными они ни были. Я глубоко признателен за материальную поддержку со стороны стипендиальной программы имени Маргарет Маквикар (MIT) и ее президенту Питеру де Флоресу. Мои исследования в области языка были спонсированы грантом Национальных институтов здравоохранения за номером HD18381.

Венди Вульф из издательства Viking и Стефан Макграт из Penguin Books постоянно поддерживали меня и давали отличные советы. Я благодарю их и моих агентов Джона Брокмана и Катинку Матсон за труд на благо этой книги. Я польщен, что Катя Райс согласилась отредактировать рукопись, это наша пятая совместная работа.

Моя сердечная признательность — моей семье, Пинкерам, Будманам и Суббиа-Адамсам за их любовь и поддержку. Особая благодарность — моей жене Ллавенил Суббиа за ее мудрые советы и любящую поддержку.

Эта книга посвящена четверым моим дорогим друзьям, оказавшим на меня глубочайшее влияние: Дональду Саймонсу, Джудит Рич Харрис, Леде Космидес и Джону Туби.

ЧАСТЬ I

«ЧИСТЫЙ ЛИСТ», «БЛАГОРОДНЫЙ ДИКАРЬ» И «ДУХ В МАШИНЕ»

У всех есть собственная теория человеческой природы. Каждый должен представлять себе, чего можно ожидать от других, и, значит, всем нам необходимы идеи о том, что именно заставляет этих других вести себя так или иначе. Обыденные представления о природе человека, о том, что причиной его поступков являются его чувства и мысли, влияют на само наше восприятие окружающих. Мы формулируем эту теорию, заглядывая внутрь себя и предполагая, что наши собеседники похожи на нас. Мы наблюдаем за поведением людей и обобщаем свои наблюдения. Мы впитываем идеи напрямую из интеллектуального климата — прислушиваясь к мнению авторитетных личностей и обращаясь к повседневному здравому смыслу.

Теория человеческой природы накладывает свой отпечаток на всю нашу жизнь. Мы сверяемся с ней, когда нам нужно убедить или пригрозить, сказать правду или обмануть. Она советует нам, как жить в браке, как воспитывать детей, как контролировать наше собственное поведение. Представления о том, как человек осваивает знания, влияют на нашу образовательную стратегию, представления о мотивации оказывают влияние на экономическую политику, преступность и законодательную систему. Эта теория определяет, чего люди могут добиваться с легкостью, чего добьются только через боль и жертвы и чего они не смогут достичь вообще. Таким образом, она затрагивает и наши ценности: нашу веру в то, за что нам — и отдельным людям, и обществу в целом — стоит бороться. Конкурирующие концепции человеческой природы различными способами вплетены в ткань жизни, являются частью самых разных политических систем и на протяжении истории становились причиной множества конфликтов.

Тысячелетиями источником основных теорий природы человека была религия¹. Например, иудео-христианская традиция предлагала объяснения множеству феноменов, которые сейчас изучаются в рамках биологии

и психологии. Человек создан по образу и подобию Божию и не относится к животным². Женщина — производное от мужчины и должна ему подчиняться³. Сознание нематериально, оно обладает силой, неподвластной физическим структурам, и может продолжать существование после смерти тела⁴. Сознание состоит из нескольких компонентов, включая мораль, способность любить, разум, который различает, соответствует ли конкретный поступок идеалам добра, а также аппарат, выбирающий поведение. И хотя этот аппарат не связан законами причинно-следственных отношений, его врожденная склонность — выбирать грех. Наше мышление и восприятие работают без ошибок только потому, что Господь внедрил в них образы, не вступающие в противоречие с реальностью, и потому, что Он регулирует их деятельность через внешний мир. Психически здоров тот человек, который понимает Божьи намерения, выбирает добро, отвергает грех, любит Бога и людей по заветам Его.

Иудео-христианская традиция основана на событиях, о которых повествуется в Библии. Мы знаем, что человеческий разум не имеет ничего общего с разумом животных, поскольку Библия говорит нам, что люди были сотворены отдельно от них. Мы знаем, что женщина была создана по образцу мужчины, потому что во второй главе Книги Бытия сказано, что Господь сотворил Еву из ребра Адама. Мы можем предположить, что человеческие поступки не являются обязательным следствием определенных причин, человек наделен и свободой воли, потому что Бог возлагает на Адама и Еву ответственность за нарушение запрета есть плоды древа познания, подразумевая, что они были способны принять и другое решение. Мужчины главенствуют над женщинами в наказание за непослушание Евы, и все человечество наследует первородный грех от своих прародителей.

Иудео-христианская концепция до сих пор является самой популярной теорией человеческой природы в Соединенных Штатах. Согласно последним опросам, 76% американцев верят в библейский акт творения, 79% — что чудеса, описанные в Библии, случились на самом деле, 76% верят в существование ангелов, дьявола и других нематериальных созданий, 67% убеждены, что в той или иной форме продолжают свое существование и после смерти. И только 15% считают, что теория эволюции Дарвина — это лучшее объяснение происхождения человека и жизни на Земле⁵. Политики правого крыла всецело поддерживают религиозную теорию, и ни один из популярных деятелей не осмелится публично ее оспаривать. Но современные исследования в космологии, геологии, биологии и археологии делают веру в библейский акт творения невозможной для образованного человека. В результате иудео-христианская теория человеческой природы

более не находит поддержки у большинства ученых, журналистов, социальных аналитиков и других просвещенных людей.

Тем не менее любое общество нуждается в теории человеческой природы, и основная масса интеллектуалов сегодня придерживается другой идеи. Идея эта редко проговаривается или открыто признается, однако она лежит в основе огромного количества убеждений и жизненных стратегий. Бертран Рассел писал: «Каждый человек, куда бы он ни шел, сопровождается облаком успокаивающих убеждений, которые выются вокруг, как мухи в летний день». Для нынешних мыслителей многие из этих убеждений касаются психологии и общественных отношений. Я буду называть эти убеждения концепцией «чистого листа», так как они отражают идею, что человеческий ум не имеет врожденной структуры и может быть наполнен чем только пожелает общество или сам индивид.

Эта теория человеческой природы — а точнее, то, что она вряд ли вообще существует, — и есть главная тема моей книги. Как религия содержит теорию природы человека, так и теории человеческой природы выполняют некоторые функции религии, и «чистый лист» стал таким светским вероучением в современной интеллектуальной жизни. Эта идея становится источником ценностей, и тот факт, что основана она на чуде — сложнейший разум, возникающий буквально из ниоткуда! — не становится аргументом против нее. Критика доктрины со стороны скептиков и ученых повергла некоторых ее последователей в кризис веры, а других спровоцировала на ожесточенные нападки на оппонентов, которым обычно подвергались еретики и неверные. Но точно так же, как многие религиозные традиции в конечном счете справились с явными угрозами со стороны науки (например, с научными революциями Коперника и Дарвина), по моему убеждению, наши ценности переживут и кончину концепции «чистого листа».

Главы этой части книги (часть I) посвящены господству идей «чистого листа» в современной интеллектуальной жизни, а также новому взгляду на человеческую природу и культуру, готовому бросить им вызов. В последующих частях мы станем свидетелями того, какое беспокойство порождает этот вызов (часть II), и увидим, как это беспокойство можно смягчить (часть III). Далее я расскажу, как более богатая концепция человеческой природы может подарить нам понимание загадок языка, мышления, морали и общественной жизни (часть IV) и как она может прояснить противоречия в области политики, насилия, гендера, искусства и воспитания детей (часть V). И наконец, я покажу, что отход от идеологии «чистого листа» — гораздо менее тревожное и в некоторых отношениях менее революционное событие, чем кажется поначалу (часть VI).

Глава I

Официальная теория

«Чистый лист» — это вольный перевод средневекового латинского термина *tabula rasa* (буквально — «очищенная досочка», предназначенная для письма). Выражение обычно приписывается философу Джону Локку (1632–1704), хотя на самом деле он использовал другую метафору. Вот известный отрывок из его сочинения «Опыт о человеческом разумении»:

Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом он получает их? Откуда он приобретает тот их обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда он получает весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта^{1,*}.

Локк критиковал теории врожденных идей, согласно которым считалось, что люди появляются на свет с готовыми математическими понятиями, вечными истинами и идеей Бога. Альтернативная теория, эмпиризм, была задумана Локком и как теория психологии, описывающая работу разума, и как теория эпистемологии, отвечающая на вопрос, каким путем мы приходим к пониманию истины. Оба эти направления послужили развитию его политической философии, которая считается основой либеральной демократии. Локк спорил с догматическим оправданием политического статус-кво, такого, как власть церкви и Божественное право королей, которое в те времена считалось самоочевидной истиной. Он убеждал, что социальное устройство необходимо полностью переосмыслить, опираясь на взаимное согласие, основанное на знаниях, которыми может овладеть любой индивид. Идеи рождаются из опыта, который варьирует от человека к человеку, и разница во мнениях проистекает не из того, что ум одного приспособлен

* Локк Дж. Сочинения в 3-х тт. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. — М.: Мысль, 1985.

к пониманию истины, а ум другого неполноценен, а потому, что эти два разума формировались различными путями. И эти различия должны уважаться, а не подавляться. Идея Локка о «чистом листе» подрывала основы существования королевской власти и наследственной аристократии, которая не могла более заявлять о своей врожденной мудрости или особых достоинствах, ведь потомки благородных родов являются на свет такими же «чистыми листами», как и прочий люд. Эта идея также была сильным аргументом против рабства — приниженное и подчиненное положение рабов более не могло быть оправдано их врожденными качествами.

На протяжении прошлого столетия доктрина «чистого листа» определяла повестку дня для большинства социальных и гуманитарных наук. Психология пыталась объяснить все мысли, чувства и поведение человека несколькими простыми механизмами научения. Социальные науки толковали все традиции и общественное устройство как результат социализации детей под влиянием окружающей культуры: системы слов, образов, стереотипов, ролевых моделей и непредсказуемого воздействия поощрений и наказаний. Длинный и все увеличивающийся список понятий, которые, казалось бы, имманентно присущи человеческому мышлению (эмоции, родственные отношения, разграничение полов, болезни, природа и мир в целом), сегодня считается «изобретенным» или «социально сконструированным»².

«Чистый лист» стал священной коровой современных политических и этических убеждений. В соответствии с этой доктриной любые различия, которые существуют между расами, этническими группами, полами и отдельными личностями, происходят не из врожденных качеств, а из различного жизненного опыта. Измените опыт, реформируя методы воспитания, образования, средства массовой информации и систему социальных вознаграждений, — и вы измените человека. Социальное отставание, бедность и асоциальное поведение можно искоренить, и, более того, не делать этого — безответственно. И дискриминация на основании предположительно врожденных черт пола или этнической группы просто абсурдна.

Доктрина «чистого листа» часто сопровождается двумя другими, и обе они также обрели священный статус в современной интеллектуальной жизни. Название, которое я дал первой из них, чаще всего связывают с философом Жан-Жаком Руссо (1712–1778), хотя на самом деле оно взято из поэмы Джона Драйдена «Завоевание Гранады» (The Conquest of Granada), опубликованной в 1670 году:

Свободен я, как первый человек — дитя природы,
Когда неволя не вошла еще в законов своды,
Когда в лесах дикарь резвился благородный.

Концепцию благородного дикаря вдохновили встречи европейских колонистов с аборигенными племенами в Америке, Африке и, позже, в Океании. Она отражает веру в то, что люди в естественных условиях неэгоистичны, миролюбивы и безмятежны, а такие пороки, как алчность, жестокость и тревожность, — продукты цивилизации. В 1755 году Руссо писал:

...многие (авторы) поспешили сделать заключение, что человек от природы жесток и что он нуждается для смягчения его нравов в наличии внешнего управления; между тем нет ничего более кроткого, чем человек в первоначальном состоянии, поставленный природою равно далеко от неразумия животных и от гибельных познаний человека в гражданском состоянии...

Чем больше размышляешь об этом состоянии, тем более убеждаешься, что оно было менее всех подвержено переворотам, что оно было наилучшим для человека и ему пришлось выйти из этого состояния лишь вследствие какой-нибудь гибельной случайности, которой, для общей пользы, никогда не должно было бы быть. Пример дикарей, которых почти всех застали на этой ступени развития, кажется, доказывает, что человеческий род был создан для того, чтобы оставаться таким вечно, что это состояние является настоящею юностью мира и все его дальнейшее развитие представляет собою, по видимости, шаги к совершенствованию индивидуума, а на деле — к одряхлению рода^{3,*}.

Первый из авторов, которых имел в виду Руссо, Томас Гоббс (1588–1679), рисовал совсем другую картину:

Отсюда видно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех...

В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильст-

* Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. — М.: КАНОН-пресс, 1998.

венной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна^{4,*}.

Гоббс полагал, что люди могут избежать этого адского существования, только подчинив свою свободу верховному правителю или представительному собранию. Он назвал его левиафаном — еврейским словом, именем морского чудовища, покоренного Яхве на заре Творения.

От того, кто из этих кабинетных антропологов прав, зависит многое. Если люди — благородные дикари, нет нужды во властвующем левиафане. И более того, заставляя людей выделять свою собственность, отличая ее от чужой, — собственность, которой иначе они могли бы пользоваться совместно, левиафан сам порождает исключительную алчность и воинственность, которую призван контролировать. Счастливое общество полагалось бы нам по праву рождения; все, что нужно было бы сделать, — это избавиться от организационных барьеров, которые отделяют нас от него. Если же, напротив, люди от природы плохи, лучшее, на что мы можем надеяться, — шаткое перемирие, обеспечиваемое полицией и армией. Обе теории имеют последствия и для частной жизни. Каждый ребенок рождается дикарем (имеется в виду — нецивилизованным), так что, если дикари по природе своей послушны и кротки, для воспитания ребенка достаточно лишь предоставить ему возможности для развития заложенного потенциала, а плохие люди — продукт общества, которое их испортило. Если же дикари дурны, тогда воспитание — зона дисциплины и конфликтов, а злодеи демонстрируют свою темную сторону, которая не была укрощена должным образом.

Настоящие сочинения ученых всегда более сложны, чем теории, которыми они представлены в учебниках. В реальности взгляды Гоббса и Руссо не так сильно различаются. Руссо, как и Гоббс, верил (ошибочно), что дикари были одиночками, не связанными узами любви и верности, чуждыми всякого труда и мастерства (и он мог бы дать фору Гоббсу, заявляя, что у них не было даже языка). Гоббс представлял и описывал своего левиафана как воплощение коллективной воли, которая была возложена на него своего рода социальным контрактом. Самая известная работа Руссо называется «Об общественном договоре», и в ней он призывает людей подчинить свои интересы «общей воле».

Тем не менее Гоббс и Руссо по-разному изображали то самое «первобытное состояние», которое вдохновляло мыслителей последующих столетий. Невозможно не заметить влияния, оказанного концепцией «благородного

* Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. в 2-х тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1991.

дикаря» на самосознание современного человека. Оно заметно в нынешней приверженности всему натуральному (еде, медицине, деторождению) и недоверии к тому, что создано человеком; в том, что авторитарный стиль воспитания и образования не в моде, и во взгляде на социальные проблемы скорее как на исправимые дефекты в наших общественных институтах, чем как на трагедии, неотъемлемые от человеческой жизни.

Другая священная доктрина, часто сопровождающая концепцию «чистого листа», приписывается ученому, математику и философу Рене Декарту (1596–1650):

...существует великое различие между умом и телом, состоящее в том, что тело по природе своей всегда делимо, ум же совершенно неделим; ибо, когда я рассматриваю свой ум, или себя самого — постольку, поскольку я есмь вещь мыслящая, — я не могу различить в себе никаких частей, но усматриваю лишь абсолютно единую и целостную вещь; и хотя создается видимость, будто весь мой ум целиком связан со всем моим телом, если ампутировать мне ногу, руку или любую другую часть тела, уму моему, как я понимаю, не будет нанесено никакого ущерба; равным образом частями ума не могут быть названы ни способность желать, ни способность чувствовать, ни способность понимать и т. д., ибо один и тот же ум желает, чувствует и понимает. Напротив, ни одна телесная, или протяженная, вещь не может мыслиться мною без того, чтобы я не мог без труда расчленить ее мысленно на части, и в силу этого я постигаю ее как делимую; одного только этого было бы довольно, чтобы убедить меня в абсолютном отличии ума от тела, если бы даже других источников такого познания у меня пока не было^{5,*}.

Запоминающееся имя этой концепции дал три столетия спустя ее противник — философ Гилберт Райл (1900–1976):

Существует доктрина о природе и месте разума в ней, которая настолько овладела умами как теоретиков, так и дилетантов, что ее вполне можно назвать официальной теорией... Сущность этой официальной доктрины, восходящей главным образом к Декарту, в следующем: у каждого человека, за сомнительным исключением идиотов и грудных младенцев, есть и тело, и разум. Некоторые предпочли бы сказать, что всякий человек — это и тело, и разум. Его тело и его разум обычно связаны неразрывно,

* Декарт Р. Размышления о первой философии // Соч. в 2-х тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1994.

но после смерти тела разум может продолжать существовать и функционировать. Человеческие тела существуют в пространстве и подчиняются законам механики, которым подчиняются все прочие тела в пространстве... Но разумы не витают в пространстве, и их функционирование не подчиняется законам физики...

Такова, в общих чертах, официальная теория. Я буду часто говорить о ней, намеренно оскорбительно, как о «догме духа в машине»⁶.

«Дух в машине», как и «благородный дикарь», появился отчасти как ответ Гоббсу. Гоббс утверждал, что жизнь и разум могут быть объяснены в терминах механики. Свет приводит в движение наш мозг и нервную систему — вот что значит «видеть». Движение может длиться, как след корабля на воде или как вибрация задетой струны, — и вот что значит «представлять». «Количества» могут складываться и вычитаться в мозгу — и вот что значит «думать».

Декарт отрицал идею, что разум может действовать по законам физики. Он думал, что поведение, особенно речь, есть не реакция на что-то, а свободный выбор субъекта. Он обращал внимание на то, что наше сознание, в отличие от тела и других физических объектов, не кажется способным делиться на части и располагаться в пространстве. Он подчеркивал, что мы не можем сомневаться в существовании нашего разума — действительно, мы не можем сомневаться, что мы и *есть* наш разум, — потому что сам процесс мышления подразумевает, что наш разум существует. Но вот насчет существования тела мы можем испытывать сомнения, потому что вполне можем вообразить себя нематериальным духом, который во сне или галлюцинации представляет себя воплощенным в теле.

Декарт нашел в своем дуализме (вере, что разум — вещь совершенно иного порядка, нежели тело) и нравственное преимущество: «...нет ничего, что отклоняло бы слабые умы от прямого пути добродетели дальше, чем представление о том, будто душа животных имеет ту же природу, что и наша, и что, следовательно, нам наравне с мухами и муравьями не к чему стремиться и не на что надеяться после смерти»^{7,*}. Райл так объясняет дилемму Декарта:

Когда Галилей показал, что его методы научного исследования способны сформулировать механистическую теорию, которая была бы приложима к любому объекту в пространстве, Декарт обнаружил в себе два конфликтующих мотива. Как ученый он не мог не приветствовать успехи механики, а как религиозный и нравственный человек он не мог при-

* Декарт Р. Рассуждение о методе. В кн.: Декарт. Соч. в 2-х тт. Т. 1. — М.: Мысль, 1989–1994.

нять, как принял Гоббс, обескураживающие выводы, следующие из ее постулатов, а именно что человеческая природа отличается от часового механизма только уровнем сложности⁸.

Действительно, обидно думать о себе как о невесте что возмнивших колесиках и пружинках. Машины — неживые, созданные, чтобы их использовали, и заменяемые; люди — чувствующие, обладающие достоинством и правами и бесконечно ценные. У машин есть некоторая утилитарная функция — молоть зерно или точить карандаши, у человека же есть высшие цели — любовь, вера в Бога, самореализация, поиск истины и созидание красоты. Поведение машин предопределено вечными законами физики и химии, люди же выбирают свое поведение сами. С выбором приходит свобода и, следовательно, оптимизм относительно наших будущих возможностей. С выбором также приходят обязательства, люди несут ответственность за свои поступки. И конечно, если разум — не часть тела, он может продолжать существование и после его разрушения, и наши мысли и чувства не исчезнут бесследно.

Как я уже упоминал, большинство американцев продолжают верить в бессмертие души, созданной из некоей нематериальной субстанции, которая может отделиться от тела. Но даже те, кто не поддерживает эту веру на словах, тем не менее воображают, что каким-то образом все же должно быть в нас нечто большее, чем электрическая и химическая активность мозга. Выбор, достоинство и ответственность — эти дары отличают человека от всего остального во Вселенной и кажутся несовместимыми с идеей, что мы не более чем набор молекул. Попытки объяснить поведение человека в механистических терминах обычно порицаются как «редукционистские» и «детерминистские». Порицатели редко точно знают, что они имеют в виду под этими словами, но каждый уверен, что это что-то плохое. Дихотомия разума и тела проникла и в разговорную речь, когда мы, например, говорим: «думай головой»; когда апеллируем к «внетелесному опыту»; когда говорим о «теле Джона» и если уж на то пошло, то и о «мозге Джона», что предполагает, что его обладатель, Джон, каким-то образом отделен от собственного мозга. Журналисты иногда рассуждают о «трансплантации мозга», хотя на самом деле они бы должны называть это «трансплантацией тела», поскольку, как заметил философ Дэн Дэннет, это единственная операция, в которой лучше быть донором, чем реципиентом.

Доктрины «чистого листа», «благородного дикаря» и «духа в машине», или, как философы называют их, эмпиризм, романтизм и дуализм, — логически независимы, однако на практике они часто идут рука об руку. Если наш разум — «чистый лист», тогда, строго говоря, у человека нет предпри-

сания делать добро, как нет предписания делать зло. Но добро и зло асимметричны: существует гораздо больше возможностей навредить людям, чем помочь им. Плохими поступками можно доставить больше неприятностей, чем осчастливить хорошими делами. Так что «чистый лист» в сравнении с листом, на котором предначертаны стремления и побуждения, должен сильнее впечатлять нас своей неспособностью причинить вред, чем своей неспособностью делать добро. Руссо не верил в «чистый лист» буквально, но он действительно считал, что плохое поведение — результат научения и социализации⁹. «Люди порочны, — писал он, — ежедневные печальные наблюдения делают доказательства этого факта излишними»¹⁰. Но эта порочность порождается обществом: «В сердце человеческом нет исконной испорченности; в нем не находится ни одного порока, о котором нельзя было бы сказать, как и откуда он туда проник»^{11,*}. Если воспринимать метафоры обыденной речи как ключ, то все мы вслед за Руссо ассоциируем чистоту скорее с добродетелью, чем с пустотой. Подумайте о моральном подтексте прилагательных *чистый, ясный, незапятнанный, белоснежный, незапачканный, прозрачный*, а также о словах *грязный, мутный, пятно, марать, пачкать, очернить, запятнать*.

«Чистый лист» естественно сосуществует и с «духом в машине», потому что пустота — подходящее место для явления духа. Если все контролирует дух, фабрика может поставлять готовое «изделие» с минимумом деталей. Дух может читать информацию на дисплее тела и переключать рычажки, не нуждаясь в высокотехнологичных программах, управляющих системах и центральном процессоре. Чем более немеханическим образом контролируется поведение, тем меньше механики нам будет необходимо постулировать. По той же причине «дух в машине» радостно сопровождает «благородного дикаря». Если машина ведет себя подло, мы можем обвинить духа, который решил совершить некое ужасное действие; и нет необходимости проверять, не кроется ли дефект в устройстве самой машины.

Философия сегодня не пользуется уважением. Многие ученые употребляют этот термин как синоним бесплодных размышлений. Когда мой коллега Нед Блок сообщил своему отцу, что будет специализироваться в этой области, тот воскликнул: «Пустая болтовня!» А в одном анекдоте молодой человек говорит своей матери, что будет доктором философии, и та отвечает: «Прекрасно! А что это за болезнь — философия?»

Но на самом деле философские идеи не бесплодны и не пусты — они могут влиять на умы столетиями. «Чистый лист» и сопровождающие его

* Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. — М.: Педагогика, 1981.

доктрины проникли в массовое сознание нашей цивилизации и постоянно всплывают на поверхность в самых неожиданных местах. Уильям Годвин (1756–1835), один из основателей либеральной политической философии, писал, что «дети — сырой материал в наших руках», а их разум — «как лист белой бумаги»¹². Ближе к нам во времени мы видим Мао Цзэдуна, оправдывающего свою радикальную социальную инженерию следующим образом: «Самые прекрасные поэмы написаны на чистых страницах»¹³. Даже Уолт Дисней был вдохновлен подобной метафорой: «Я думаю о разуме ребенка как о пустой книге, — писал он. — За первые несколько лет жизни очень многое будет написано на этих страницах. И качество этих записей будет влиять на всю его жизнь»¹⁴.

Локк и представить себе не мог, что его слова однажды приведут к появлению Бэмби (который, по замыслу Диснея, должен учить детей полагаться на самих себя), и вряд ли Руссо понравилась бы Покахонтас — идеальная благородная дикарка. Но кажется, что душа Руссо вселилась в автора недавней заметки в газете *The Boston Globe*, опубликованной в День благодарения:

Я бы предположил, что мир, каким его знали коренные американцы, был более стабильным и счастливым и менее варварским, чем наше общество сегодня. Они не знали безработицы, в обществе царил гармония, о наркотиках ничего не было известно, преступности практически не существовало. Межплеменные войны были скорее ритуальными и редко выливались в массовое убийство без разбора. Конечно, бывали и тяжелые времена, но по большей части жизнь была стабильной и предсказуемой... И так как аборигены с уважением относились к окружающей среде, не случалось потерь воды из-за загрязнения или пищевых ресурсов из-за истребления, не было недостатка в материалах, необходимых для производства предметов первой необходимости: каноэ, корзин, жилищ или костров¹⁵.

Нельзя сказать, что эти идеи не вызывали скепсиса.

Третья доктрина тоже дает о себе знать в наши времена. В 2001 году Джордж Буш объявил, что правительство США не будет финансировать исследования эмбриональных стволовых клеток, если для того, чтобы изъять их, ученым придется уничтожать новые эмбрионы (исследование линий клеток, извлеченных из эмбрионов ранее, не запрещается). Прежде чем принять это решение, он консультировался не только с учеными, но также с философами и религиозными мыслителями. Многие из них определяли нравственную проблему в терминах «одушевления» —

момента, в который набор клеток (будущий ребенок) наделяется душой. Некоторые утверждали, что одушевление происходит в момент зачатия, откуда следует, что бластоцист (пятидневная зигота, из которой берутся эмбриональные стволовые клетки) с точки зрения морали эквивалентен личности и его уничтожение — убийство¹⁶. Этот аргумент стал решающим, а это значит, что судьба американской политики в отношении, возможно, наиболее перспективной медицинской технологии XXI века была определена размышлениями над моральной проблемой, которая могла быть сформулирована столетия назад: когда же дух впервые появляется в машине?

И это лишь немногие проявления «чистого листа», «благородного дикаря» и «духа в машине» в современной интеллектуальной жизни. В следующих главах мы посмотрим, как, казалось бы, чисто умозрительные идеи философов эпохи Просвещения укоренились в современном сознании и как недавние открытия ставят эти идеи под сомнение.

Глава 2

Умный пластилин

Датский филолог Отто Есперсен (1860–1943) — один из наиболее популярных лингвистов в истории. Его блестящие книги читают и сегодня, особенно труд «Развитие и структура английского языка» (Growth and Structure of the English Language), впервые опубликованный в 1905 году. И хотя научные изыскания Есперсена совершенно современны, первые страницы книги напоминают, что написана она не в наши дни:

Одно выражение постоянно приходит мне на ум, когда я размышляю об английском языке и сравниваю его с другими: он кажется определенно и безусловно мужским, это язык взрослого мужчины, и в нем очень мало детского или женского...

Чтобы проиллюстрировать это, я выбрал случайным образом, по контрасту, фразу из гавайского языка: «I koha hiki ana aku ilaila ua hookipa ia mai la oia me ke aloha pumehana loa». В ней ни одно слово не заканчивается на согласный, а два или больше согласных звука никогда не стоят рядом. Может ли кто-то сомневаться, что этот язык, хотя и звучит приятно, музыкально и гармонично, оставляет впечатление «детскости» или «женственности»? От людей, говорящих на таком языке, вы не ожидаете большой силы или энергии; он кажется подходящим только для жителей солнечных регионов, где земля обеспечивает человека всем необходимым практически без усилий с его стороны, и жизнь его, следовательно, не отмечена печатью тяжелой борьбы с природой и себе подобными. В таких языках, как испанский или итальянский, подобная фонетическая структура обнаруживается в меньшей степени; но насколько же от них отличаются наши северные языки¹.

Он продолжает в том же духе, расхваливая мужественность, сдержанность и логику английского языка, и завершает главу так: «Каков язык, такова и нация».

Любого современного читателя шокируют сексизм, расизм и шовинизм этого комментария: предпосылка, что женщины подобны детям, стереотипы о праздности колонизированных народов и неуместное превознесение автором собственной культуры. Равно удивляют и жалкие стандарты, до которых опускается здесь этот великий ученый. Предположение, что язык может быть «взрослым» и «мужественным», субъективно до бессмысленности. Он без каких-либо оснований приписывает личностные черты всему народу и затем продвигает две теории — что фонетика отражает личность и что теплый климат культивирует лень, — не подкрепляя их соответствующими данными, не говоря уже о причинно-следственных связях. Даже на его собственном поле он приходит к весьма шатким умозаключениям. Языки, в слоге которых гласный следует за согласным, такие как гавайский, требуют более длинных слов для передачи тех же объемов информации, чего вряд ли можно ожидать от людей без «силы или энергии». А насыщенные согласными слоги английского языка часто проглатываются или слышатся неправильно, чего едва ли ждешь от рассудительных деловых людей.

Но, пожалуй, сильнее всего возмущает то, что Есперсен даже не предполагает, что может говорить нечто неприемлемое. Он принимает как должное, что его предрассудки будут разделены читателями, которых он представляет своими собратьями-мужчинами, говорящими на северных языках. «Может ли кто-то сомневаться?» — риторически вопрошает Есперсен. «Вы не ожидаете большой мощи» от таких людей, заявляет он. Более низкое положение женщин и других рас не нуждается для него ни в оправдании, ни в доказательствах.

Я привел в пример Отто Есперсена, человека своего времени, чтобы показать, как изменились стандарты. Прочитированные высказывания — обычный пример интеллектуального климата столетней давности; похожие возмутительные утверждения можно найти практически у любого автора XIX или начала XX века². Это было время, когда белый человек принимал на себя бремя управления «только что покоренными угрюмыми народами, полудемонами, полудетьми»^{*}; время берегов, кишящих притесненными толпами и отбросами цивилизации; время европейских империй, бросающих друг в друга не только злые взгляды, но порой и копья. Империализм, иммиграция, национализм и наследие рабства сделали слишком очевидными различия между этническими группами. Некоторые выглядели образованными и культурными, другие — невежественными и отсталыми; одни использовали кулаки и дубинки, чтобы обеспечить свою безопасность, другие платили за эти услуги полиции и армии. Очень соблазнительно было

^{*} Строка из поэмы Р. Киплинга «Бремя белого человека». — Прим. пер.